Стратегическое планирование будущего как способ предотвращения новых кризисов

Чтобы прогнозировать завтрашний день, надо хорошо понимать то, что с нами случилось вчера и происходит сегодня. Своими размышлениями об этом поделился с участниками «круглого стола», состоявшегося в Международном институте государственной службы и управления РАГС, известный экономист, президент консалтинговой компании «НЕОКОН» **Михаил ХАЗИН.**

Сегодня много говорят о выстраивании оптимальных отношений между государством и бизнесом, государством и обществом. Очень часто этот поиск идет вслепую, без понимания реальности, что обрекает его на неудачу. Чтобы найти правильные решения, надо осознать, что на протяжении последних 30 лет весь мир (наша страна – 20 лет) жил в рамках достаточно устойчивой и фиксированной модели экономического развития. Суть ее заключалась в том, что за счет вполне целенаправленных государственных мер была создана система эмиссионной поддержки частного спроса. Что и аукнулось теми финансовыми пузырями, которые спровоцировали кризис. Но эта система также создала ряд механизмов, используемых в повседневной практике и государством, и обществом, и бизнесом. Механизмов, встроившихся в систему жизни не только страны, но и всего мира. Ее базовыми элементами являются три основных фактора.

Первый – постоянный рост спроса домохозяйств, то есть частного спроса.

Второй – постоянный рост денежного предложения (ликвидности).

Третий – постоянное снижение стоимости кредита. Учетная ставка Федеральной резервной системы США с 1981 по конец 2008 гг. упала с 19% до нуля. А с конца 2008-го этот механизм действовать перестал. И сейчас мы находимся в стадии завершения переходного периода. За предшествующие три десятилетия существенно изменились многие макропоказатели, которые характеризуют не только экономические, но и общественные отношения. Например, доля долга домохозяйств относительно их годового дохода выросла в 2 раза – с 65 до 13%.

Еще более важно, что изменилось перераспределение общественного «пирога». Доля финансового сектора, который в совокупной прибыли корпораций еще в 50-е годы минувшего века занимал только 10%, а в 70-е – 20, сегодня выросла до 50%. Точно так же резко упали сбережения. В США – с исторических 10% до фактически минус 5%. Сегодня они растут, но до прежнего уровня им очень далеко. Что это означает в реальности? Что многие, даже не компании, а виды бизнеса, прежде всего – финансовый, будут вынуждены сильно сократиться. Не думаю, что до 10, но до 20% наверняка (с нынешних 50!). Это означает уменьшение доли получаемого ими сегодня общественного «пирога» в 2,5 раза. А в абсолютном выражении – еще больше, с учетом того, что экономический кризис вызовет сокращение общего объема экономики.

Конечно, природа не терпит пустоты, и другие сектора могут, напротив, увеличить свою долю. Все это ставит перед бизнесом и перед обществом вопросы, на которые они ответить не могут. Почему? Потому что ни бизнес, ни общество не имеют институтов, которые способны дать ответ на вопрос, как будет выглядеть модель экономического развития пусть не в краткосрочной и среднесрочной, а хотя бы в долгосрочной перспективе. Вот этот пункт, на мой взгляд, и является наиболее принципиальным местом модели взаимодействия государства с бизнесом и обществом. Я имею в виду, что государство должно прежде всего поставить перед собой этот вопрос, а потом дать на него ответ.

...Но почему бы не предоставить бизнесу право решить проблему выбора стратегии развития самому? Теоретически государство может сделать такое предложение. Беда в том, что у бизнеса, да и у общества, нет для этого ресурсов. Специфика современного капиталистического бизнеса, и советской системы тоже, в том, что они не занимаются подготовкой хозяйственных кадров. При капитализме кадры ищут на свободном рынке, при социализме – предоставляются государством в готовом виде.

В результате мы сегодня имеем колоссальный по объему менеджментский корпус – что на уровне

корпораций, что на уровне общественных организаций, что на уровне политических структур, что на уровне аппаратно-государственной системы, – сформированный в рамках модели, действовавшей последние 30 лет. Корпус, совершенно не готовый к ситуации, когда эта модель работать не будет. Менеджер – это инженерная специальность. Его учили отвечать на вопрос «как», а не на вопрос «почему». На последний вопрос в нашей стране отвечает фундаментальная наука. Поэтому бессмысленно предъявлять менеджеру претензии, что он не знает, как выйти из кризиса, если кризис вызван не ошибками компании, а принципиальными изменениями на рынке.

Еще раз подчеркну, что весь рост трех предшествующих десятилетий обусловливался выдачей кредитов домохозяйствам. Сегодня спрос падает. Как вести себя и работать в такой ситуации, бизнес не знает. И самостоятельно, мобилизуя внутренние ресурсы, придумать ответ не в состоянии. Более того, он и не должен этого делать. В такой ситуации ему должны объяснить правила игры. Объяснить только через координирующую роль государства.

Я не верю в то, что сегодня могут дать успех инновации или еще что-то в этом роде. Для сведения: в начале 80-х годов сама идея кредитной поддержки спроса, приведшая к теперешнему кризису, была вызвана тем, что руководство США любой ценой стремилось запустить новую инновационную волну. На падающем спросе, а в 70-е годы был тяжелый кризис и доходы американцев непрерывно снижались, это невозможно сделать. Вот и нашли выход. В сегодняшней ситуации отдельные инновации могут работать только в том случае, если они будут существенно сокращать издержки типового производства. Ну, например, снизить стоимость электричества в 2 раза. Это да. Все остальное, когда у граждан не хватает денег на уплату очередного взноса за квартиру или коммунальных платежей, продаваться не будет. Рассчитывать, что они будут покупать новые гаджеты, – наивно.

Еще одно замечательное обстоятельство. Денег в мире выше крыши – потому, что они все были сделаны под активы, которые частично упали по стоимости или превратились в нуль. И вопрос: куда девать деньги, как получить прибыль – для бизнеса решающий. И для нашего, и для мирового в целом.

Я не претендую на то, что нашел окончательный ответ.

Тем не менее, мне кажется, что сегодня ключевым элементом взаимоотношений государства и бизнеса становится создание институтов, которые поставят перед собой задачу стратегического планирования. Не столько экономического развития, сколько правил игры. Нужно понять и трезво посмотреть на происходящие в мировой экономике процессы, проанализировать их и отдать себе отчет в том, какими последствиями они чреваты. Без координирующей роли государства эта работа невозможна. Более того, такие институты должны быть вне пределов конкретного бизнеса, потому что единственная цель бизнеса – получение прибылей, а данные институты будут «заточены» совсем под другое.

И, наконец, государство обязано играть координирующую роль в части решения тех проблем, которые неизбежно возникают в среде бизнеса и в его отношениях с обществом. Когда в мире кризис, и кризис долгий, то проблемы банкротства, безработицы, структурных изменений выходят за рамки конкретных бизнес-структур. Они требуют серьезных системных подходов. Институты, о необходимости создания которых я только что сказал, и могли бы взять на себя задачу спрогнозировать наши дальнейшие посткризисные шаги, в том числе и алгоритм экономического развития хотя бы на ближайшие пять лет.

НОВАЯ КНИГА

Кармен М. Рейнхарт, Кеннет С. Рогофф. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства

[Пер. с англ. Д. Стороженко]. М.: Карьера Пресс, 2011. 528 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ **Михаила ХАЗИНА,** президента компании экспертного консультирования «НЕОКОН», действительного государственного советника в отставке.

Крупномасштабный финансовый крах не раз потрясал основы экономического благосостояния отдельных стран, а то и целых континентов с регулярностью, никак не оправдывающей извечный оптимизм и участников рынков (предпринимателей и финансистов, потреби-